

Вдохновение благополучия

Владимир Ашкенази выступил в Москве

Коммерсантъ. 2005. — 26 мая. — С. 22

фестиваль музыка

В Большом зале консерватории в рамках фестиваля «Черешневый лес» выступил Владимир Ашкенази. Вместе с Немецким симфоническим оркестром Берлина всемирно известный дирижер представил публике программу из произведений Дмитрия Шостаковича и Мориса Равеля. На концерте побывала ВАРЯ ТУРОВА.

Организаторы фестиваля задолго до этого концерта делали акцент на теме победы — мол, хоть у нас и с Германией была война, но мы выше этого, и теперь немецкий оркестр с бывшим гражданином СССР за пультом будет играть советского классика Шостаковича. Шостаковича, правда, выбрали далеко не самого победного. Две пьесы Доменико Скарлатти, переложенные Шостаковичем для духового ансамбля и литавр, конечно, не лишены определенного обаяния и прелести, но вряд ли их можно считать знаковыми в творчестве советского композитора. А его же Второй виолончельный концерт — музыка, мягко говоря, не то чтобы очень праздничная.

Нарядной публике, заполнившей Большой зал, явно было нелегко. Ведь слушать этот концерт — работа, возможно, не меньшая, чем его исполнять. Ситуация усугублялась тем, что солирующий американский виолончелист Линн Харрелл не выглядел особенно заинтересованным, исполняя музыку, которая по идее должна исполнителя не просто интересовать, а практически поглощать. Не заметно было ни во внешности солиста, ни в звуке его уникальной, 1673 года, виолончели Страдивари ровным счетом никаких эмоций. Если учесть, что и Владимир Ашкенази не является специалистом по сильным чувствам — ему ближе сияющая классика, — то объяснимо общее настроение публики, шелестевшей программками.

Виолончелист Линн Харрелл (слева) остался равнодушен к Дмитрию Шостаковичу и Владимиру Ашкенази (справа) ФОТО СЕРГЕЯ МИХЕЕВА

Дела поправились во втором отделении. Два цикла Мориса Равеля «Гробница Куперена» и «Отражения» в их оркестровой версии заставили публику встряхнуться. Немецкий симфонический оркестр Берлина в Москве еще не слышали, и яркие равелевские миниатюры оказались отличным способом разглядеть все достоинства и недостатки оркестра.

Порадовали идеальные струнники, играющие как один, солисты-духовики и в первую очередь изумительного звука гобоист. Общее звучание оркестра показалось слишком густым для Равеля, хоть в другой программе это качество было бы скорее достоинством. Звук увесистый, объемный, ровный и качественный, в то время как музыка Равеля — тонкая, пестрая, переменчивая и захватывающая.

Владимир Ашкенази покинул Советский Союз в 1963 году, когда с женой, исландской пианисткой Торунн Йоханнсдотир, они не вернулись с гастролей в Лондоне. Когда три года назад впервые за несколько десятков лет maestro приехал в Москву, набитый до отказа Большой зал консерватории принял его как родного.

Какая-то есть во Владимире Ашкенази удивительная внеш-

няя и, рискну предположить, внутренняя благополучность, несвойственная другим его именитым коллегам по эмиграции, взять хотя бы Мстислава Ростроповича или Гидона Кремера. Прямо-таки отчаянно не хватало, к примеру, неточности, неожиданности и, возможно, даже небезупречности. Это даже в какой-то степени умиляло — в каждой ноте французского импрессиониста слышался

любимый композитор дирижера — флегматичный скандинав Сибелиус. Да, к уровню оркестровой игры невозможно было придаться. Больше того, на фоне отечественных коллективов, за исключением двух-трех, было бы попросту глупо упрекать в чем-либо высокочеловеческий немецкий коллектив. Но есть тут все-таки нюанс. Вряд ли качеством можно полностью заметить вдохновение.

Владимир Ашкенази: круг моих интересов расширился

Перед своим московским концертом ВЛАДИМИР АШКЕНАЗИ ответил на вопросы СЕРГЕЯ ХОДНЕВА.

— Как вам работаете с оркестром NHK? Насколько комфортно после европейских оркестров работать с японским коллективом?

— Конечно, это первоклассный оркестр абсолютно международного уровня, и мне вполне комфортно. В общении с музыкантами никаких проблем нет, они превосходно подготовлены, с ними работать — одно удовольствие.

— Есть ли у оркестра какие-либо пристрастия в смысле репертуара? Вы их не планируете менять в соответствии со своими предпочтениями?

— Музыканты NHK универсальны. У них потрясающе широкий репертуар. И нет особенных пристрастий, как, собственно, и у меня. Они все исполняют очень хорошо, так что менять мне нечего. А что до моих предпочтений, то у меня довольно разносторонний круг интересов. Я бы сказал, что за прошедшие годы он скорее расширился, а не изменился. Для меня это не вопрос симпатии

или антипатии, а вопрос способности поглотить большое количество разной музыки, звучащей вокруг меня.

— Вы много сделали для того, чтобы познакомить Европу с современными отечественными композиторами. Продолжаете планировать?

— На самом-то деле я не так уж много сделал. Отчасти из-за того, что не всегда есть возможности. Я работаю с двумя очень важными оркестрами, и довольно часто они относятся к включению в репертуар современных произведений без восторга. Конечно, в этой области хотелось бы сделать побольше.

Только не надо думать, что я хочу продвигать исключительно музыку своей страны. Выбор музыки зависит от ее весомости, качества. Однако у многих современных русских композиторов эти весомость и качество действительно есть.

— Как сейчас делится ваше время между работой дирижера и работой солиста?

— Сейчас я дирижирую гораздо больше, чем играю, — наверное, в соотношении 9 к 1. Это если говорить о выступлениях. А так — ежедневно, конечно, очень много играю. И еще записываю много фортепианной музыки.

— Что вы можете сказать о своих отношениях с DECCA? Каковы ваши ближайшие планы относительно записей?

— Могу сказать, что сотрудничеством вполне доволен. Вот только что записал обе части «Хорошо» темперированного клавира» Баха.

— Какое впечатление у вас от Deutsches Symphonieorchester Berlin в его нынешнем состоянии? Изменился ли он с тех пор, как вы перестали его возглавлять?

— Я всегда любил этот оркестр, это очень высокий уровень. Теперь, кажется, там больше моло-

дых людей, и от этого стало больше динамизма — но без всяких потерь в настоящем немецком качестве исполнения.

— Как вас принимали в Прибалтике? Есть ли различия между тамошней публикой и публикой в Москве или Санкт-Петербурге?

— Там превосходная публика. Мне очень понравилось в Балтии, как, собственно, и всегда, — я люблю там бывать. Думаю, СССР сделал то, что равносильно изнасилованию этих стран, и я лично считаю, что необходимо ознакомиться с историей стран Балтии, прежде чем высказывать о них какие-либо суждения.